

АКАДЕМИЯ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А. С. ПУШКИНА

БИБЛИОТЕКА
КЛАССИКОВ
УЗБЕКСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ТАШКЕНТ

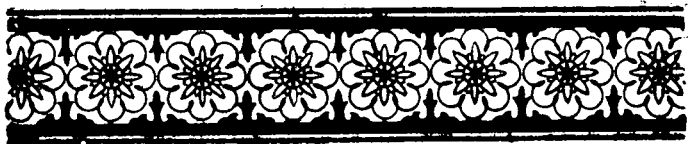
1951

ФУРКАТ
ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

1 9 5 1

ЗАКИРДЖАН ФУРКАТ

Выдающийся узбекский поэт Закирджан Фуркат жил и творил во второй половине XIX века. Это был период, когда нынешний Узбекистан являлся частью царской колонии Туркестана. Трудящиеся в Туркестане подвергались жестокой эксплуатации как со стороны разнузданных колониальных чиновников и пришлых хищников-предпринимателей, торговцев, авантюристов всех мастей и видов, так и со стороны местных феодалов, крупных землевладельцев, ростовщиков, духовенства, которые быстро приспособились после завоевания края к новым условиям и стали верными псами жандармско-бюрократического режима российской монархии. Царское правительство сознательно и преднамеренно поддерживало в Туркестане реакционно-настроенных феодалов, перетянув их к себе на службу, покровительствоvalo духовенству и разжигало религиозный фанатизм. Попытки сбросить иго колонизаторов и фео-

далов, малейшее проявление вольнодумия подавлялись с беспощадной жестокостью.

Однако нельзя забывать, что с присоединением к России Туркестана народы этого обширного края приобрели в лице революционно настроенного великого русского народа могучего друга и союзника. В Туркестан царское правительство ссылало так называемые „неблагонадежные элементы“. В числе сосланных были представители революционных народников. Первые ссыльные социал-демократы появились здесь в начале девяностых годов. Влияние русской революционной мысли не могло не сказаться и на передовых людях узбекского народа. Передовые идеи распространялись в Туркестане, наперекор всем рогаткам, среди трудящихся и в первую очередь в среде начавшего формироваться и быстро росшего узбекского рабочего класса.

Впервые появились переводы на узбекский язык отдельных произведений великих русских писателей XIX века—А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Л. Н. Толстого.

Все это в какой-то мере способствовало ломке закостенелых, застывших форм средневековой феодальной идеологии, освященных реакционной мусульманской религией, и открывало путь для приобщения узбекского народа к достижениям передовой русской культуры. Новые веяния проникали в толщу народа не только при решительном сопротивлении реакционно настроенных местных эксплуа-

таторских классов, но и вопреки желанию русской колониальной администрации, заинтересованной в том, чтобы народ оставался темным и невежественным.

Передовые умы узбекского народа быстро сумели установить резкую грань между жестокими завоевателями, колониальными хищниками, представлявшими правящие круги Российской империи, и подлинными представителями русского народа, несшего народам Востока лучшие достижения своей культуры. Ненавидя жандармско-полицейский режим, установившийся в Туркестане, узбекский народ с величайшей симпатией относился к честным труженикам — русским учителям, врачам, инженерам и другим представителям передовой русской интеллигенции. К концу XIX века рушится стена взаимного непонимания и недоверия. Все чаще отдельные прогрессивные узбекские писатели говорят о том, что нужно учиться у русских, заимствовать их культурные достижения, кончать с мракобесием, отсталостью. Такие высказывания встречаются в произведениях ведущих представителей демократической литературы того времени — поэтов Мукими, Фурката, Аваза Отар-оглы, Бердаха.

Поэт Фуркат был убежден, что счастье его народа и прогрессивное развитие его родины связаны со счастьем и развитием России. Фуркат хорошо понимал, что его родина, его народ дол-

жны следовать по пути русского народа, и стремились внушить эту мысль своим соотечественникам.

Закирджан Халмухаммед, писавший под поэтическим псевдонимом Фуркат, родился в 1858 году в городе Коканде. Он учился сначала в мактабе, а затем несколько лет в медресе. Молодой Закирджан с увлечением читал произведения великого узбекского поэта Алишера Навои. Знание языков позволило поэту уже в юности познакомиться с азербайджанской, таджикской и фарсидской литературой. Он читал произведения Ферад-аддина Аттари, Хафиза, Бидиля.

У Фурката рано проявился поэтический талант, и он уже в школе писал стихи. Тяжелое материальное положение семьи вынудило Закирджана оставить учение и пойти работать приказчиком в лавку.

В 1882 году Фуркат входит в круг образованных людей г. Коканда. Здесь он часто встречается с такими прогрессивно настроенными поэтами, как Муками.

„... Выдающимися поэтами того времени были Муками, Зауки, — рассказывает Фуркат в своих воспоминаниях, — мы постоянно собирались и соперничали в сочинении стихов. Выбрав за образец какую-нибудь газель, мы выражали одну и ту же мысль самыми разнообразными способами. Иногда мы сочиняли газели о любви и красоте, или, найдя в „диванах“ древ-

них поэтов какую-нибудь веселую газель, писали, каждый по очереди, на нее „мухаммасы“. Другие поэты тоже охотно посещали наши собрания. Если кому-нибудь из нас случалось написать хорошую газель, то люди, обладающие литературным вкусом, просили дать им копию“.

В мае 1889 года Фуркат переехал в Ташкент, где он смог ближе познакомиться с русской культурой. Фуркат поддерживал дружеские отношения с высланными из России демократически настроенными представителями русской интеллигенции, а также с некоторыми членами Русского Географического общества. Они помогли поэту ближе познакомиться с русской историей и литературой. В этот период Фуркат создает ряд замечательных произведений, воспевающих русскую культуру. По совету русских друзей он перевел на узбекский язык „Сказку о рыбаке и рыбке“ А. С. Пушкина и отдельные басни Крылова.

Стремление Фурката приобщить свой народ к русской культуре, естественно, было не по сердцу представителям реакционно настроенных кругов узбекской буржуазии, феодалов и духовенства. К тому же он беспощадно их высмеивал в своих сатирических стихотворениях. С другой стороны, не менее беспощадно он обрушивал удар своей сатиры на представителей русской колониальной администрации. По дошедшим до нас сведениям, поэт высмеял в одном из своих сатирических стихотворений адъютанта Туркестанского генерал-гу-

бернатора. Размножив свою сатиру, поэт расклеил ее в разных местах города. Подлинную ярость представителей высших классов вызвало сатирическое выступление Фурката против проживавшего в Ташкенте великого князя Н. Романова.

Положение Фурката крайне осложнилось. В конце концов, вероятно по совету своих русских друзей, Фуркат вынужден был покинуть родину. Отъезд этот походил не столько на путешествие, сколько на изгнание.

В мае 1891 года поэт, через Баку и Батуми, направился в Стамбул, а оттуда — в Грецию и Болгарию. Побывав в Египте, он посетил Аравию, затем направился в Бомбей и Дели, а оттуда переехал в Синьцзянскую провинцию Китая и, в конце концов, поселился в Яркенде.

Живя в Яркенде, Фуркат с утра до ночи просиживал за книгами, занимаясь литературой, историей, физикой, химией, биологией, астрономией.

Он продолжал писать и посылал статьи и стихотворения в единственную издававшуюся в то время в Туркестане на узбекском языке газету.

Живя в Яркенде, Фуркат до конца своих дней оставался подданным России. Это является одним из доказательств того, что он любил свою родину и жаждал вернуться в Туркестан. Но желание поэта не осуществилось. Он умер в Яркенде в 1909 году в возрасте 51 года.

До Великой Октябрьской социалистической революции произведения Фурката не были даже из-

даны отдельной книгой. Это вполне понятно: колониальная администрация, местные правящие классы были кровно заинтересованы в том, чтобы народ как можно меньше знал выдающегося поэта. Произведения Фурката рассеяны по различным антологиям, некоторые из них напечатаны в „Туркестанской туземной газете“, некоторые остались в рукописи.

Только в наше советское время творчество выдающегося поэта тщательно собирается, изучается, публикуется.

Фуркат жил и творил в мрачную эпоху, когда народы России изнывали под ярмом царизма. „Закованная в цепях лежала страна у ног ее поработителей“.¹

Поэт своими глазами наблюдал тяжелую жизнь трудящихся, разнузданность и произвол царских чиновников; он видел всю гнусность местных эксплуататоров и представителей духовенства. Горячо желая, чтобы родная страна вступила на путь прогресса, Фуркат передавал в своих стихотворениях настроения, чувства и переживания угнетенного народа, выражал ненависть к деспотизму и тирании. Пламенные стихи поэта показывают, что он горячо любил свой народ, интересовался его жизнью, историческим прошлым и культурой. В своих сатирических стихотворениях Фур-

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 237.

кат разоблачал истинное лицо баев, ростовщиков, представителей духовенства, вся деятельность все поступки которых были направлены на обман народа.

Посмотрите на кокандских богачей самовлюбленных—тьфу
на них!
Ездят важно развалившись в пароконных фаэтонах—тьфу
на них,
... Граш голодному, а сотни тратите на угощение богачей,
Мулл, ишанов-блюдолизов, чести, совести лишенных—тьфу!
на них!

Говоря словами великого русского критика-демократа Белинского, эта сатира Фурката является не просто „...насмешкой над недостатками, слабыми сторонами и пороками человека—это атака, энергия разгневанного чувства, гром и молния благородной ярости“.

Фуркат страстно желал, чтобы его народ увидел дни свободы и счастья. Эти настроения особенно ярко выражены в стихотворении-аллегии „Охотник, отпусти газель“. Поэт просит жестокого охотника пожалеть попавшую в сети газель, отпустить ее. Он желает исстрадавшейся в сетях плена узнице свободной, радостной и счастливой жизни.

В этих символических строфах звучит резкий протест против жестокости и угнетения правящих классов.

Поэт всем сердцем скорбит о тяжелой жизни

народа и выражает свое недовольство современными ему порядками:

Я огорчен коварством неба: невежда в роскоши живет,
А мудреца подстерегают невзгоды длинною чредой.

Религии, благочестию Фуркат противопоставляет реальную жизнь, подлинно человеческую любовь, высокое значение человека.

В газелях Фурката слышен голос пламенного сердца, умеющего чувствовать жизнь во всей ее красоте. Оригинальность стиля, тонкость и глубина мысли, удачные сравнения и определения позволяют причислить газели Фурката к лучшим образцам узбекской лирической поэзии конца XIX века.

Для идейного и творческого роста поэта имело большое значение его знакомство с русской жизнью и бытом. Фуркат видел и чувствовал, что узбекский народ, лишенный благ знания и просвещения, отстает в культурном отношении от русского народа. Летом 1890 года поэт пишет свое знаменитое стихотворение „Гимназия“, в котором призывает узбекский народ учиться подлинным наукам, приобщаться к культуре. Он с увлечением говорит о гимназиях, которые, как небо от земли, отличались от старых мактебе и медресе. Это дает Фуркату повод с горечью вспомнить о ханах и беках, которые утопали в наслаждениях и не придавали никакого значения просвещению.

Мыслитель и гуманист Фуркат видел единст-

венный путь к избавлению от невежества в обучении детей в школах, созданных по типу русских учебных заведений, в знакомстве с русской, а через нее — с мировой культурой. Большой смелостью нужно было обладать, чтобы в то время, время засилия религиозного фанатизма, говорить о преимуществах передовой русской культуры.

В стихотворении „О науке“ Фуркат еще глубже развивает свою мысль. Он взволнованно говорит о научно-техническом прогрессе в России, о росте сети железных дорог, распространении электричества и телеграфа и снова выражает восхищение русской культурой. Поэт воспевает силу и могущество техники, изобретения ученых, — русских „мудрецов“ и „искусников“.

Русский народ, по мнению Фурката, достоин глубокого уважения, потому что он дал человеческому обществу и истории великие идеи, новые открытия в науке и технике, создал огромные материальные и духовные богатства.

Перу Фурката принадлежит поэма о великом сыне русского народа, полководце и патриоте А. В. Суворове. Фуркат изображает Суворова, как искусного, талантливого военачальника, самоотверженно боровшегося с врагами России и наносившего им сокрушительные поражения.

В своей поэме о Суворове Фуркат показал героизм, несгибаемую доблесть и мужество русского народа. Это произведение — новое свидетельство

ство глубокого уважения Фурката к русскому народу и русской культуре.

Живя в Яркенде, Фуркат посвятил одно из своих стихотворений русско-японской войне 1904—1905 годов. Поэт бичует в нем английских капиталистов и их прислужников, распространявших оскорбительные выдумки о русском народе, и восхваляет русских солдат, которые, несмотря на растерянность и бездарность царского правительства и военного командования, стойко выносили все трудности и проявили великое мужество и смелость.

Отвечая на клеветнические измышления некоторых газет, выпускавшихся в Индии англичанами и пытавшихся, по указке своих британских хозяев, отрицать героизм и военное искусство русских, Фуркат написал, будучи в Яркенде, ряд публицистических статей. „Индийские газеты, — констатировал он, — говорят много неверного и несоответствующего действительности. Большинство их утверждений лживо и лишено смысла. Все это пахнет самой откровенной завистью“.

В другой статье Фуркат с возмущением говорит о карательных экспедициях английских насильников против горных афганцев, которых англичане стремились подчинить своей власти, и приветствует афганских женщин, смело боровшихся рука об руку со своими мужьями за свою независимость.

Отвечая на клеветнические измышления англи-

чан о русской армии, поэт язвительно высмеивает твердолобых, завистливых британских захватчиков, получивших в 1902 году хороший урок от численно уступавших им буров.

Поэт с ненавистью отзывается об английских капиталистах, которые стремятся уничтожить свободу и независимость народов мира. Поэт подчеркивает, что отцы и деды английских капиталистов, пытавшихся в его время разжечь пожар войны, были такими же преступниками, готовыми для достижения своих черных целей на любые хитрости, жестокости и злодейство. Полные гнева и ненависти к империалистическим хищникам слова поэта-патриота Фурката помогают разоблачить истинное лицо современных нам английских империалистов — верных пособников своих американских хозяев.

Фуркат тепло говорит о дружбе великого русского народа с китайским народом. Оба народа желают мирной жизни и процветания своей родины.

Фуркат всегда призывал своих соотечественников изучать русский язык. „Если русский народ предлагает нам изучать его язык и грамоту, то он не желает нам зла. Наоборот, он хочет, чтобы наша страна процветала, чтобы население благоденствовало. Русский народ всегда печется о том, чтобы мы были обеспечены и довольны“.

В истории общественной мысли узбекского народа конца XIX и начала XX веков пламенный

поэт и просветитель Фуркат играл большую прогрессивную роль. Его стихи и статьи были серьезным вкладом в борьбу против невежества, мракобесия и бескультурия, царивших в дореволюционное время в Туркестане.

Стихи Фурката были всегда близки народу, созвучны его чаяниям и стремлениям, талантливы, совершенны по форме. Вот почему узбекский народ любит и ценит вдохновенного певца, мастера художественного слова, борца за просвещение Закирджана Фурката.

Халид Расулев,

О НАУКЕ

О юные друзья! Я обращаюсь к вам,
Внемлите вы моим отеческим словам.
Науке посвящу я этот свой рассказ,
Она—бессмертие и бытия алмаз.
Великий шах земли, державный Искандер,
Вселенную делил на семь обширных сфер.
Подвластен шаху был простор земель и вод,
Для шаха юртою был звездный небосвод.
Заполнили весь мир ряды его полков,
Со всех краев земли собрал он мудрецов.
Преданье говорит, что эти мудрецы,
Блистательных наук искусные творцы,
Стараясь угодить владыке своему,
Волшебное стекло изобрели ему.
В стекле волшебном том весь отражался мир,
Под солнечным лучом переливался мир.
И край земли любой, как бы он ни был мал,

Мгновенно в зеркале пред шахом представал.
Но если даже он, великий Искандер,
В чудесном зеркале все семь увидел сфер,
То слышать он не мог все голоса земли,—
Об этом и мечтать в то время не могли.
О юноши! Сейчас столетье таково,
Что входит в нашу жизнь, как в сказке,
волшебство.

Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек.
Премудрые умы, мечтам народа вняв,
Построили в стране великой телеграф,
И если по нему известие дано,
То путь трехмесячный в час пролетит оно,
Чтоб о событиях обширнейшей земли,
Где бы ни жили мы, всегда узнать могли,
Чтоб с дальним Западом заговорил Восток,
Чтобы на Юге ты услышать Север мог,
Чтоб мог поговорить с далекою Москвой
Любой ташкентец наш, согражданин лю-
бой,—

Ученые умы воздвигли телеграф.
И славлю я его, удел певца избрав.
О юноши! Затмил преданья прошлых лет
Российской мудрости неопенимый свет,
Изобретениям науки нет числа,
Нам их великая Россия принесла.
Достигнешь цели ты, наукой овладев,
Осуществишь мечты, наукой овладев.

Осведомленным стань во всех науках, друг,
И каждая из них понадобится вдруг.
Когда же станешь ты и светел и богат,
Припомни, что во тьме жил на земле Фуркат.

Г И М Н А З И Я

Посетил на днях гимназию Фуркат.
Он там долго пробыл, видел все подряд.
Это не гимназия, это сад в цвету,
Где цветы собирают средь красивых гряд.
Все науки мира расцветают там,
Юноши вдыхают сладкий аромат.
Пусть же все искусства и науки все
Изучать с усердьем будет каждый рад!
В этом классе слышен греческий язык,
В том—слова латыни древние звучат,
Русские законы изучают здесь,
К книгам и тетрадям тут прикован взгляд.
Там—немецкий учат; звонкие стихи
Повторяют хором голоса ребят.
Множество уроков было там еще,—
Нынче все названья вспомню я навряд!
А когда в зените было солнце, вдруг

Грянул, ровно в полдень, пушечный раскат.
Юноши выходят—уж давно для них
Приготовлен завтрак, кушанья стоят.
В тонкостях науки их учителя
Древнего Платона знаньями затмят;
Молнии подобно движется их мысль,—
Нет для них в науке никаких преград.
И не диво, если мудрецы теперь
Вновь Джамшидов кубок людям смастерят!
Словом, здесь обитель мудрости, и в ней
Всех наук откроешь драгоценный клад.
Вот стоит прозрачный шар из хрусталя,—
При его вращеньи молнии летят.
Ослеплён твой разум и рябит в глазах
От приборов мудрых—тут их целый склад,
И иные внятно говорят о том,
Что Платону снилось много лет назад.
„Вот как русский ценит просвещение!“—так
Думал я в восторге, завистью объят.
Жаль, что наши ханы, беки весь свой век
Проводили праздно, в поисках услад.
Возле них ученых не было людей,
Из невежд придворных состоял их штат.
Не было заботы об ученых: им
Не давали хода, почестей, наград.
Если б их ценили,—разве бы стране

Не было бы пользы больше во сто крат?
Это всем докажет хоть такой пример:
Знание—садовник, а отчизна—сад.
А теперь довольно! Чтоб не надоест,
Кончу речь на этом. Многословье—яд.
Ищущий цветов добра,—по цветнику
Совершить прогулку счастлив был Фуркат.

Р О Я Л Ь

(Письмо с Нижегородской выставки)

Внимания, друзья мои, прошу:
О новых впечатленьях вам пишу.

Я изложу стихами в этот раз
О музыкальных чудесах рассказ.

Наслушался за это время я
Разнообразной музыки, друзья!

Но в русском был концерте я вчера,—
Вот где искусство, вот где мастера!

Я слышал инструмент один—рояль:
То гром гремит, то чуть звенит хрусталь.

В нем—что ни клавиш—то особый звук.
Звучат то врозь, то шумной бурей вдруг.

Что композитор чувствовал—артист,
То чувствует волшебник-пианист.

И все, чем сам он полон в этот час,
Переживать заставит он и вас.

Пусть его сердце рвется на куски
От одиночества и от тоски;

Пусть, угнетен судьбою, он скорбит
От неудач и от людских обид;

Иль, потрясен утратою большой,
Он в горький траур погружен душой,

И не с кем разделить ему печаль,—
Все за него поведает рояль.

А если взыскан был судьбою он,
И в некую красавицу влюблен,

И знает, что избранницей любим,
Но, счастьем весь захлестнутый своим,

Не может слов найти в душе своей,
Чтобы достойно высказаться ей,—

То этих драгоценных слов тайник
Ему откроет музыки язык.

И станет явным его чувство всем,
Все выскажет язык искусства всем...

В концерте том и пенье слышал я.
Не ведал наслажденья выше я!

Душа была взволнована до дна,
Когда запела девушка одна.

Звучала песнь ее роялю в лад,
В ней нежность и укор звучали в лад.

То глухо голос девушки рыдал,
То вздохом еле слышным трепетал,

То жалобно он плакал, как свирель,
То рассыпал надежды робкой трель...

Сидел я, словно стрелами пронзен,
И слушал—сам не зная, явь иль сон,

И чувствами был переполнен я,
Как водами весной Аму-Дарья.

Признаюсь—я с собой не совладал,—
Слезам восторга вдруг я волю дал.

Так собственной души я не постиг,
Как душу композитора в тот миг.

И стала мне его душа близка:
Та, освежающая дух тоска,

И грусть его, и радость, и мечты,
Что в нотные он перелил листы...

О, если бы мне снова испытать
Той музыки высокой благодать,

Услышать голос той певицы вновь,
Что лился в сердце, как живая кровь,—

Как был бы счастлив я! Ни о какой
Усладе не мечтал бы я другой.

Но если б этой музыки секрет
Хотя бы через двадцать-тридцать лет

Усвоить внукам нашим, ты б, Фуркат,
Считал себя утешенным стократ.

СУВОРОВ

Гвардейский марш играйте мерно, трубы,
Лети в литаврах, гул военных лет.
Идет старик, закусывая губы,
Альпийский рдеет на плечах рассвет.

Идет сухой, холодный, осторожный,
Суровый для друзей и для врагов.
За ним летят на подвиг непреложный
Знамена русских доблестных полков.

Екатеринин век он поднял шпагой,
Но шпагу разломал гранит дворца,
И Павел Первый пренебрег отвагой
Седого воина и мудреца.

„Мне—гатчинские мертвые законы?
Мне—палочная прусская муштра?
Нет! Лучше старой колокольни звоны
Да сельский сон... Мне отдохнуть пора“.

В тиши рассветной за мужицким плугом
Фельдмаршал шел. И старая земля
К его ногам ложилась полукругом,
Подкошенной травюю шевеля.

Он в деревнях мальчишек собирая,
Солдатской кашей из котла кормил.
И эта армия крестьянская босая
Была ему явленьем русских сил.

Вот ружья деревянные поднявши,
Полки мальчишек держат гордый строй.
Фельдмаршал с ними отбивает марши,
С сосновой шпагой шествует герой.

Он жил угрюмо в сельском заточенье,
С людьми простыми запросто дружа,
Оттуда видя всей земли волненье,
Орлом полдневным над землей кружа.

А над землею неся гул раздоров,
Французы шли, Италии грозя.
И вспомнил мир о том, что есть Суворов,
Что без Суворова прожить нельзя.

И вот, в парадном блеске аксельбантов,
Голец взошел на тихое крыльцо.
Умнейший из придворных адъютантов
Взглянул, дрожа, фельдмаршалу в лицо.

Но, прочитавши царское посланье,
Сказал старик: „Я—бедный человек,

Не полководец я! Мое желанье —
В селенье этом скоротать свой век.

Не мне письмо! Я больше не Суворов“.
„Нет, это вам. Россия вас зовет!“
...И вот среди российских косогоров
Несется тройка, маршала везет.

И егеря ему под Прагой салютуют,
Гусары честь ему под Веной отдают.
Летит фельдмаршал. И бои бушуют,
И пушек русских радостен салют.

Бегут враги, знамена растерявши,
Посыпав пеплом головы свои,
Российские гремят над миром марши,
Победами кончаются бои.

Идет Суворов впереди дружины,
Ему приказ спасти Европу дан,
Зарей побед озарены седины,
Идет Суворов... И вошел в Милан!

ТЬФУ НА НИХ

Посмотрите на кокандских богачей самовлюблен-
ных—тьфу на них!
Ездят, важно развалившись в пароконных фаэто-
нах—тьфу на них!

Суеются, вертят, крутят... на чужие деньги. Ку-
клы, дураки!
Вы в руках у фабрикантов ситцевых или сукон-
ных—тьфу на них!

Деньги есть—живи. А смотришь—капитал чужой
промотан,—ты банкрот!
Ни кредита, ни почета, ни улыбок благосклон-
ных—тьфу на них!

Где роскошные халаты, лошади, дома, брильян-
ты? Пух и прах!
Проку, видно, нет в богатствах, плутовством при-
обретенных—тьфу на них!

К ростовщичеству, к наживе, несомненно, с ко-
лыбели вас влечет.

Прочь от милостыней ваших, преступленьями клей-
менных,—тьфу на них!

Грош голодному, а сотни тратите на угощенье
богачей,

Мулл, ишанов-блюдолизов, чести, совести лишен-
ных—тьфу на них!

Толстобрюхие невежды. Ведь осел в сравненьи с
вами—грамотей!

На отцов духовных ваших, богословов лжеуче-
ных—тьфу на них!

Сколько б ты ни обличал их, сколько б ни пле-
вал им в рожи, о Фуркат!

Снова плюй на сброд богатый, на мошенников
прожженных—тьфу на них!

ПИСЬМО ИЗ БОМБЕЯ¹

Я шлю привет издалека честнейшим из
людей,
Оплоту разума, добра, вернейшим из друзей,
Певцам, чей голос чист, могуч, артистам,
чей самтур
Мелодий жалобных поток струил в простор
степей.
Как поживаете, друзья, здоровы ли, бодрь?
К бесценной вашей жизни смерть не обрела
ль путей?
Бог даст, вернусь я в Туркестан, свой хлеб
там обрету.
Хочу я видеть вас, хочу обнять вас поскорей.
Пусть пальма вашей жизни впредь зеленою
растет,
Пусть будет счастье и успех плодом, листвою
на ней...

¹ Печатается в сокращении.

О вы, кто на чужбине мне опорой сердца стал,
Кто был великодушен, щедр, кто был родни
нежней!

О, как я рад за вас, друзья, как благодарен
вам
За все, что сделали вы мне по доброте своей!

Без вас тоска меня гнетет — один в краю
чужом.
Паломников из мест родных встречаю, как
гостей.

Я вспоминаю вечера по пятницам у нас...
Звенел ситар, гремел гиджак, и, словно
соловей,

Певец кокандский Фарзинхан нам радовал
сердца
Чудесной песней Фузули... Что родины
милей?!

Вглубь Индостана путь держи, Фуркат,
оставь Бомбей.
О, что за тайны прячет рок за покрывалом
дней?

Ты пишешь: умер Муками и умер Нисбати.
Не знай отчаянья: сиять достоинства лучам!

Ты пишешь, что Завки, Мухьи в живых. Велик
аллах!
Пускай, не ведая невзгод, творят на радость нам.

А сам поэту Муками, поэту Нисбати
Наследником достойным будь, иди по их стопам.

Стал переводчиком теперь наш брат Ир Му-
хамед,
Не дай, господь, сразить его лихой судьбы мечам!

А если спросишь обо мне—живу в Яркенде я,
Хвала аллаху, предаюсь уладам и мечтам.

Я антилопою блуждал, в красавиц был влюблен,—
Китайский мускус ревновал к их черным волосам.

О, напиши: в живых иль нет Хаджи Исамуддин?
Грозят ли бедствия ему, его спокойным дням?

Привет горячий шлет ему Хаджи Халмухамед—
О всех знакомых и родных он был бы рад вестям.

„Прислал бы гребень в дар ходже,—он говорит,—
случись
Какой-нибудь ловкач-гонiec, отсель идущий к вам“.

О Ташбалта, коль хочешь быть достойным меж
людей,
Я наставление одно тебе по дружбе дам.

С несовершенными не спорь, не жалуйся на них,
К высоким помыслам всегда стремиться нужно нам.

Ты зложелательство отбрось. По нраву ты хорош.
Теперь закончу я письмо, пусть отдохнет калам.

Кому же вспомнить про тебя, о Закирджан Фуркат,
Хотя и шлешь ты по утрам привет своим друзьям?

МУСАДДАС

Охотник, отпусти газель! Блуждать ей суждено,
как мне.
Сними аркан. Ей на земле защиты нет давно, как
мне.
Ей друга прежних светлых дней не встретить все
равно, как мне.
Ей горе в тягостный удел назначено одно, как
мне.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

Обрежь аркан, и пусть она, как ветер, веющий
с высот,
Умчится в горные луга, где верный друг подругу
ждет.
Разлука сердце ей томит, тоскует дух, но где
исход?

Ей пути скорби разорви, невыносим их вечный
гнет.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне!

Оставь ей жизни краткой дни, беспомощную по-
жалей,
На вешней зелени позволь с газелями резвиться
ей,
Пусть из тюльпанов горных пьет росу живитель-
ных дождей,
Отдав молитвам за тебя остаток мимолетных дней.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая боль ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

Будь милосерд! Ее удел в пустынях мира одинок.
Будь милосерд! Сними аркан и сократи мучений
срок.
Слезами полон взор ее, к слезам будь милосерд,
стрелок.
Детеныша хоть пожалей, коль с нею хочешь
быть жесток.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая боль ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

В горах тюльпаны расцвели, сияет мир, пришла
весна,
Зачем же рок несправедлив и ей одной земля
тесна?
Таясь в дому своем, она всегда в тоске, всегда
одна,
А если вышла хоть на миг—ей злая гибель
суждена.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

Ты голову ее пригнул, верёвку обкрутил вокруг
ног,
Поверг, бессильную, во прах и на закланье
поволок.
Как чернотой прожжен тюльпан, ей сердце злобой
ты прожег,
Но я куплю газель твою, какой ты требуешь залог?
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне.
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

Ужель ей в сердце злобный дух вселил безумия
разлад?
Она—как чаша горьких слез, куда излит страданья
яд.
И, как в руинах средь пустынь, дожди печали в
ней шумят.

Так сам в разлуке я томлюсь, поэт, чье прозвище—
Фуркат.
Стрелой разлуки пронзена, и в мире ей темно,
как мне,
Немая скорбь ей сердце жжет и счастья не дано,
как мне.

ГАЗЕЛИ

Иду в ее селенье снова, глазами черными влеком.
Волшебника, какого хочет, единым увлечет кивком.

Ее лицо наполовину кудрями черными закрыто,—
Так месяц ущербленный тоньше, когда темнее
ночь кругом.

Покинет сон того, кто видел, как нежен стан ее
и губы,—
Кто лжет, что сказки усыпляют? Она вас убедит
в другом!

Слезами из очей исходят осколки раненого сердца,—
Так лепестки тюльпана гонит ручей в безмолвии
лесном.

Не грешен друг, когда смеется, увидев, как я
желт и бледен,
Всегда смеешься, если выпьешь фиал с шафрановым
вином.

Тому помочь не в силах лекарь, чья голова больна
любовью,—
Не пей сандал,—одно лишь средство: в ее колени
пасть лицом!

Ища красы подобной меру, с луною прелесть
луноликой
Ночное сравнивает небо, но различает их с трудом.

Такой красе найти соперниц творец не может, и
лукаво
Он ставит зеркало пред нею, бессильный в образе
ином.

Как просто было сеть накинуть на сердце дикое
Фурката,—
Но даже серна из Китая пошла б за ней покорно
в дом!

В Кашмир приехав, я увидел ее, подобную луне.
Какие чары взор волшебный таит в бездонной
глубине!

Днем золотит ей солнце кудри, но ты и на заре
сказал бы:
Всю ночь красавица купалась в иксире—в золотой
волне.

За ямочку на подбородке опять могли б Харут с
Марутом,
Покинув небо, согласиться во тьме колодца жить
на дне.

Когда бы меч сверкал подобно ее глазам, слегка
раскосым,
Его бы с молнией сравнил я, блеснувшей в бурной
вышине.

Над бровью точку я заметил, в ней тайна родника
сокрыта,

При чтении суры корана такую нун казалась мне.

Любой пленяется мгновенно ее красой неотразимой,
К ее кудрям привязан юный, и старец полонен
вдвойне.

Я молвил: „Разве точку ставят близ губ?“ Она в
ответ с улыбкой:
„Художник мира промахнулся, и это—по его вине“.

Она сказала: „Бедный, бедный! Зачем ты родину
покинул?“

Я отвечал: „Судьба Фурката—в чужой томиться
стороне“.

ТОСКА ПО РОДИНЕ

От горя плачу, стонов не тая:
О сердце, с родиной в разлуке я!

Развеянный в долине мук любви,
Для глаз Меджнуна прах мой—тутия.

Мое лицо—шафран, а слезы—кровь,
Узнать меня не смогут и друзья.

Не камышом, любовною травой
Могила густо зарастет моя.

Куда теперь Фурката путь ведет?
Пришлют ли весть родимые края?

Ч Е Р Н О О К А Я

Напрасно ты глаза подводишь, о черноокая,
сурьмой,
И без нее тобой разрушен людей влюбившихся
покой.

{ Бровей тугие полукружья, глаза волшебные твои,—
Как будто мальчики-индусы, лук натянув, грозят
стрелой.

Безумцы разум потеряли от черноты твоих волос,
Куда ни выйдешь — шум поднимут, следя с восторгом
за тобой.

О мой кумир, невыносимо тоска и боль меня
гнетут,—
Ты боль душе оставь, а сердце рази любовною
тоской!

Земля садов благоуханье берет у локонов твоих,
В земле же для продажи ищет садовник мускус
дорогой.

Откуда гордому Юсуфу постичь страданья Зулейхи,
Которая к нему стремится всей силой страсти
молодой?

О сердце, впавшее в смятенье, любви своей не
утаишь:
Пусть мускус скрыт, но обнаружит его по запаху
любой.

Я огорчен коварством неба: невежда в роскоши
живет,
А мудреца подстерегают невзгоды длинную чредой.

Кто желтым золотом пресыщен, чернеет сердце у
того,
Желтуха жертву угнетает в союзе с черною
хандрой.

Жеманства ветреных красавиц сносить не может
сластолюб,
Но вот Фуркат несчастный терпит их тиранию над
собой.

И расспросишь о страданиях, что меня давно
томят?

Жизнь мою во мрак повергла чернота твоих
волос.

Кто еще в таком смятенъе, как блуждающий
Фуркат?

Жизни не рады мы, если весна не дарит нас
теплом,
Если в степные просторы не выйдем с веселья
ковром.

Если красавица кравчим не будет блистать на
пиру,
Мы наслаждений желанных в вине никогда не
найдем.

Славно, когда соберутся приятели, вин знатоки,
Славно, коль трезвых не будет на этом собраньи
хмельном.

Там, где тюльпаны алеют, ковер наслаждений
хорош,
Если пылинки несчастья осесть не успели на нем.

Тело, не знавшее страсти, пускай обращается в
прах,

Поцран будь всякий, кто не был охвачен любов-
ным огнем!

Каждой весною Фуркату приятно о пире мечтать,—
Тех, кто веселья не жаждет, людьми разве мы
назовем ?!

ПРИХОДИТЕ, ЛЮБИМЫЕ!

Торжествует весна, приходите, любимые, к нам
Искрометным вином насладиться пристало друзьям.

Ветерок животворен, и капли летят с облаков,
Время петь соловью, раскрывать свои лица цветам.

С кипарисовой ветки послышался горлинки стон,—
И воспрянул нарцисс, предававшийся сладостным
снам.

Вот колечки волос разбросал по траве гиацинт,
Внемлют белые лилии мерно журчащим струям.

Где подруга, чтоб за руки взявшись, спокойно,
вдвоем
В эту лунную ночь прогуляться по тихим садам?

Из рубиновой чаши, о кравчий, хмельное вино
Выпить залпом хочу—нужен сердцу целебный
бальзам.

Н О Ч Ь Ю

Не придешь—и душа моя грусти полна по ночам,
Залита вся моими слезами страна по ночам.

Черноту твоей родинки вспомню, надменный твой
взгляд,—
И не знают глаза мои мирного сна по ночам.

Только взглянешь—и пламя очей обжигает весь
мир.
Неужель тебе жалоба душ не слышна по ночам?

О владычица сердца, в разлуке, рыдая, сгорю!
Я тоскою согбен, беспощадна она по ночам.

Ты подносишь к устам на пиру цвета розы вино—
Я же горечи яд выпиваю до дна по ночам.

Только выйдешь на улицу—люди в волненьи
большом:
То другая луна молодая видна по ночам.

До рассвета терзается ревностью сердце мое:
Ты смеешься с другими, счастлива, юна, по ночам.

Невозможно Фуркату и днем свои стоны сдержать,
Когда смертная мука ему суждена по ночам.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- Базилик** — благовонное растение; в поэзии с базиликом обычно сравнивается нежный пушок на лице.
- Гиджак** — музыкальный инструмент.
- Джамшидов кубок** — кубок, принадлежавший мифическому царю Джамшиду; по преданию в этом кубке отражались все события мира.
- Завки** — поэт, современник Фурката.
- Зулейха** — у восточных писателей имя жены фараона, пытавшейся соблазнить Иосифа.
- Искандер** — Александр Македонский.
- Ишан** — духовное лицо.
- Калам** — тростниковое перо.
- Муками (1850—1903)** — классик узбекской литературы.
- Михраб** [— сводчатая ниша в стене мечети, с которой сравниваются брови красавицы.
- Мулла** — мусульманский священник.
- Мухьи** — поэт, современник Фурката.
- Нисбати** — поэт, современник Фурката.
- Нун** — одна из букв арабского алфавита, имеющая форму открытой сверху дуги с точкой.
- Сандал** — дерево; запах этого дерева по представлениям арабской медицины служил средством от головной боли.

Ситар — трехструнный музыкальный инструмент.
Сура корана — глава корана.
Тутия — примочка для глаз.
Фарзинхан — кокандский певец.
Фузули — один из классиков азербайджанской поэзии.
Хаджи Халмухамед — подлинное имя Фурката.
Харут и Марут — имена двух падших ангелов.
Юсуф — библейский Иосиф.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Закирджан Фуркат <i>Х. Расулев</i>	7
О науке. Перевела <i>Светлана Сомова</i>	21
Гимназия. Перевел <i>П. Карабан</i>	24
Рояль. Перевел <i>Л. Пеньковский</i>	27
Суворов. Перевели <i>Владимир Луговской</i> и <i>Светлана Сомова</i>	31
Тьфу на них! Перевел <i>Л. Пеньковский</i>	34
Письмо из Бомбея. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	36
Письмо к поэту Ташбалте из Маргелана. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	38
Мусаддас. Перевел <i>В. Левик</i>	41
„...Иду в ее селенье“. Перевел <i>В. Левик</i>	45
„...В Кашмир приехал“. Перевел <i>В. Левик</i>	47
Тоска по родине. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	49
Чернюокая. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	50
„...Где найти, как ты, шалунью“. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	52
„...Жизни не рады мы“. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	54
Приходите, любимые. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	56
Ночью. Перевел <i>С. Лиходзиевский</i>	58
Пояснительный словарь ;	61

Ответственный редактор С. А. Левитина
Художник А. К. Ошейко
Техн. редактор А. Т. Шепельков

* * *

P07474. Подписано к печати 21/VIII-51 г.
Бумага $70 \times 108^{1/32} = 1,0$ бумажных
2,74 печатных листа. Уч.-издат. 2,8
Тираж 5000. Цена 2 руб.
Переплет 1 руб. 50 коп.

* *

Типография Издательства Академии Наук УзССР
Заказ № 1180 Ташкент, 1951 г.

*